

Р.Р. Рахимов

**ЗА СТРОКОЙ А.П. ФЕДЧЕНКО:
ЗАМЕТКИ ПО АДИДСКИМ КУЛЬТОВЫМ МЕСТАМ
В СУННИТСКОМ ОКРУЖЕНИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Перевал Сангы-Джумон служил последнее время границей Фарабского бекства от земель, захваченных русскими. <...> Название перевала происходит оттого, что здесь находится огромный камень, лежащий на другом. Верхний камень один человек легко может качать. Тут же находится кубический камень с круглым углублением 14 вершков в диаметре. Несомненно, что это углубление выточено водой. Предание говорит, что пророк Али поил из него лошадь.

Федченко А.П. Путешествие в Туркестан

Интерес, который вызывает Сангы-Джумон (Санги джуммон) в скупых строках Александра Павловича Федченко, обязал включить его в программу объектов исследования Центрально-азиатской этнографической экспедиции МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в 2012 г. Нижеследующие заметки построены на информации, полученной автором в результате посещения данного святого места. Выяснилось, что устная традиция местного населения Фароба / Фараба связывает его с культом двоюродного брата и зятя Пророка ислама Али б. Аби Талиба (ум. 661 г.). Интересующий нас культовый объект у жителей селения Фароб именуется *кадамджойи хазрати 'Али* («место ноги / ступни святого Али»). Он известен также под названиями *Шохи мардон* (букв. «Князь мужей / воинов»), *зийоратгох* («место паломничества и поклонения») или *Санги джуммон* (лит. *джунбон*) в значении «раскачивающийся камень». Последнее у А.П. Федченко отмечено в форме *Сангы-Джумон*.

Зийоратгох находится на гребне перевала / хребта *Агбаи Джуммон* (лит. *джунбон*) на высоте около 2000 м над уровнем моря. Это левобережье долины р. Зеравшан в 12 км к югу от селения Фароб, если следовать к нему по территории Республики Таджикистан. Есть путь и со стороны

Республики Узбекистан. Он лежит к северу от п.г.т. Ургут. С образованием на постсоветском пространстве независимых государств узбекскими властями этот путь был закрыт и, по рассказам, заминирован¹. Поэтому наша экспедиция вынуждена была следовать к объекту со стороны селения Фароб.

По этому пути еще 143 г. тому назад к Фаробу (после знакомства с Санги джуммон) шла экспедиция выдающегося русского ученого-естествоиспытателя Александра Павловича Федченко (1844–1873). Его книга «Путешествие в Туркестан» стала итогом исследований им края в 1868–1871 гг. в природоведческом, физико-географическом и этнографическом освещении. Александр Павлович прожил короткую жизнь, но внес большой вклад в развитие различных наук. Он является автором трудов по паразитологии и энтомологии. Ему принадлежит открытие Заалайского хребта в Центральной Азии. Александр Павлович трагически погиб на Монблане, похоронен в местечке Шамуни женой Ольгой Александровной Федченко, имя которой также связано с исследованием Центральной Азии в природоведческом, антропологическом и этнографическом аспектах.

Интересующийся нас «место стопы» (кадамджой) святого Али находится между двумя другими шиитскими святыми местами, расположенными на значительном расстоянии друг от друга. Одно из них — *Чорчинор* («Четыре платана») — представляет собой достопримечательное место вышеназванного Ургута в 35 км к юго-востоку от Самарканда. В действительности платанов на Чорчиноре насчитывается несколько десятков. Благодаря этому он приковывает к себе как чудесный платановый парк. Своей привлекательностью Чорчинор обязан также источнику кристально чистой родниковой воды, который был якобы пробужден к жизни дочерью Пророка Мухаммада и женой Али б. Аби Талиба — Фатимой с эпитетом Зухро, значение которого — Венера.

Второй из двух мазаров, между которыми интересующий нас ритуальный объект, — вершина высоко в юго-западной оконечности Фанских гор. В ясную погоду горная вершина видна со стороны Фароба, а с нее, по рассказам, виден Самарканд. Там на высоте почти 4 тыс. км сходятся тропы, когда-то проложенные к святому месту паломниками из Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Самаркандской областей, а также из Пенджикентского района.

¹ В Фаробе нам рассказали, что общая протяженность заминированной линии узбекско-таджикской границы на участках Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Самаркандской областей и соседнего Таджикистана составляет намного более 200 км.

Широко известный объект паломничества и поклонения (о нем упоминает также А.П. Федченко) называется *Тахтгохи хазрати Султон* («тронное место святого Султана»). В рассказах об этом зийоратгохе имя *Султон* с титулом *хазрат* иногда заменяется именем *худж(а) До(в) уд*, т.е. святой Довуд (библ. Давид). По устному приданию таджиков, хазрат Султан (худжа Давуд) — двоюродный брат имама Али, с именем которого связан Санги джуммон.

Легенда гласит, что преследуемый *кафирами* (якобы воинами противников шиитской партии алидов) святой Султан бежал из Арабистана и чудесным образом обрел здесь пристанище. В тот самый момент, когда расстояние между кафирами и святым все больше сокращалось, вершина, согнувшись к бежавшему хазрату, забрала его и унесла ввысь к облакам. Так недоступная для кафириков горная вершина стала его обителью. Тем самым была спасена им отрубленная врагами алидов голова имама Хусейна — сына имама и халифа Али.

Агбаи Джуммон — это груды громадных и довольно гладких камней, причудливым образом лежащих друг на друге. Иные из камней имеют форму сказочной скульптуры, будто изготовленной самой природой. Одного беглого взгляда достаточно, чтобы убедиться: своим неповторимым видом этот уголок природы обречен был стать почитаемым.

Культовый Раскачивающийся камень — это громадная каменная глыба (весом, по предположению рассказчиков, в 10–15 т) почти правильной прямоугольной формы, лежащая на высоте, превышающей человеческий рост, на второй почти на такой же глыбе, таким образом, что будто она уложена человеческими руками; до нее можно достать вытянутой рукой. Ее можно раскатать без усилий. Достаточно одного прикосновения мизинцем, чтобы громадный камень начал раскачиваться из стороны в сторону. Это объясняет смысл замечания А.П. Федченко: «Верхний камень один человек легко может качать». Загадка, однако, в том, что раскатать глыбу легко, как уже говорилось, даже мизинцем, но свалить ее невозможно, отчасти потому, что она лежит высоко.

Легенда гласит, что в далекие времена *кафиры* преследовали преемника Пророка Мухаммада, пытаясь схватить и убить его. Уходя от преследователей, он забрался на хребет Джуммон, поднял исполинскую глыбу и, сколько есть сил, бросил ее, целясь в преследователей. По одной версии, погибло много кафириков, по другой — были уничтожены все кафиры, оказавшись раздавленными каменным орудием героя-богатыря. Оно падало на землю с такой силой, что сотрясло перевал и все пространство вокруг него.

Здесь мы подходим к пониманию топонима «Раскачивающийся хребет». Русскому глаголу третьего лица единственного числа «сотрясло» в лексике таджиков соответствует «джунбонд». Он происходит от безличной формы глагола «джунбондан», основой настоящего времени которого (в форме повелительного наклонения) является «джуммон» (лит. «джунбон»). Получается, что название сакрального камня *Санги джуммон* и топоним Агбаи Джуммон происходят из одного и того же источника: почитаемый камень *раскачивается* из-за толчка пальцем, а *раскачивание* (сотрясение) горного хребта произошло из-за силы падения на землю могучего орудия князя мужей (*Шохи мардона*). Так *раскачивается* значение названия хребта (Агбаи Джуммон).

Инерционное движение оборонительного орудия Шохи мардона вниз по склону остановила каменная глыба, оказавшаяся на его пути. Камень «князя воинов» в прыжке забрался на нее и лег там в том виде, в котором лежит и поныне как на естественном постаменте, формируя облик центрального объекта культа. По замечанию А.П. Федченко, это и есть тот «огромный камень, лежащий на другом». У самого основания нижнего камня растет традиционно почитаемый таджиками *бурс* (тюрк. *арча*) — можжевельник. Такое впечатление, что материи камня и бурса природа свела вместе по признакам сходства черт их индивидуальных свойств быть вечными: камень твердостью, можжевельник — зеленью.

На некотором удалении от сакрального прямоугольника (к востоку от него) имеются небольшие чашеобразные углубления, напоминающие отпечатки лошадиных копыт, погрузившиеся в камень. Устная традиция их связывает с отпечатками копыт Дульдула — верхового коня *хазрата* Али. Сопровождавшие экспедицию местные жители указали также на массивный камень круглой формы с углублением ближе к одному из краев. Чашеобразное углубление наполовину наполнено дождевой водой, по верхнему краю оно обложено мелкими ритуальными камнями. Из рассказа проводников стало ясно, что этот камень называется *Охури Дулдул*, что значит «кормушка Дульдула», он служил поилкой чудесного коня святого Али. А.П. Федченко также говорит, что, по преданию, «пророк Али поил из него лошадь».

В услышанных нами рассказах заслуживает внимания еще одна деталь. От удара камня на участке спуска с хребта на север в сторону Ургута забили два родника. Там же на узбекской стороне находится якобы стоящий вертикально камень с аркообразным углублением, напоминающим форму *михраба* / *мехраба*, который обычно указывает на направление в Мекку, куда мусульмане становятся лицом во время молитвы. По рассказам, хазрат Али совершал там полуденную молитву. Сохранились

якобы следы его *кауш*'ей (деревянных сандалий), отпечатавшиеся на камне перед «михрабом».

К сожалению, проверить все это оказалось невозможным из-за опасения нарваться на упоминавшиеся выше узбекские мины. Из-за этих мин паломники со стороны Таджикистана лишены возможности посещения родников и михраба, в новое (постсоветское) время оказавшихся на территории Узбекистана. Соответственно паломники со стороны Узбекистана не имеют возможности для ритуального посещения той части комплекса Санги джуммон, которая находится на территории Таджикистана¹. В итоге священный комплекс практически потерял сакральность, превратившись в места досуга.

Таков в общих чертах итог увиденного и услышанного нами о кадамджойе хазрати Али на перевале Джуммон. Для анализа головоломки, которую представляет собой устное сказание о раскачивающемся камне, попытаемся поискать другие возможные шиитские (алидские) места культа под углом зрения выявления в них наиболее общих черт сходства с исследуемым «местом ноги» святого. Это важно для понимания подоплеки культа Али — первого лица шиитского ислама, ставшего эпонимом чрезвычайно большого количества кадамджойев в долинных районах Центральной Азии, которые исповедует ислам суннитский.

В этом плане интерес представляет широко известный *кадамджой хазрати Али* в горной окрестности селения Мазори Шариф (Пенджикентский район), куда, по преданию, переместился святой Али, спасаясь от кафиrow в Ургутско-фаробских горах. Как видим, не только легенда об Али, но и название данного объекта в паломнической практике таджиков повторяет имя аналогичного культового места на перевале Джуммон.

«Место ноги» святого Али в Мазари Шарифе обнаруживает черты сходства с его кадамджойем на Раскачивающемся хребте и по другим признакам, в первую очередь по сакральным элементам, в совокупности составляющим идейную основу, на которой он покоится. Как на перевале, разделяющем Ургут и Фараб, на пути к скале Чилмихроб первым

¹ Это не единственный пример. Судьбу Санги джуммона разделили и две вершины в западной оконечности Фанских гор, одна из которых ассоциируется с вышеназванным святым Султаном, вторая, известная как *Айолони пок* («праведные женщины»), связана с женами хазрата Султана и его сторонников. Узбекские власти *развели* святое семейство, используя мины. Ныне *хазрат Султон* находится на территории Узбекистана, Айолони пок — на территории Таджикистана. В итоге для таджикостанских паломников известный объект благовейного отношения лишился своего традиционного назначения служить целям религиозной практики.

объектом почитания является *Чиммаи нийат* («родник намерения»). Паломники испивают из него воды и загадывают желания (*нийат*). Это происходит путем выбрасывания в почитаемый источник бусинки, монеты или пуговицы и поиска на ощупь какой-нибудь магической материи, с которой связывается исполнение сокровенного желания в задуманном паломничестве.

После этого верующие отправляются вверх по довольно крутому склону к культовому доминанту (скале Чилмихроб). На пути к нему находится ритуальный объект, который представляет собой вытянутые в длину углубления в камне. С ними связываются поверья о следах стопы святого Али. За «следовиком» следует грот в скале (будто бы использовавшийся святым скитальцем как стойло для Дульдугула). Почитаемый можжевельник у основания центрального объекта находится на подъеме к скале. Сакральные можжевельник и скалу разделяют ритуальные объекты, которые связываются с отправлением Али полуденной молитвы. Это и довольно большого диаметра сквозное дугообразное отверстие в камне. По поверьям, оно пробито героем пальцем (использовано святым для привязывания своего «Пегаса» перед намазом). Это и трещина в камне (куда стекала вода во время выполнения им ритуального очищения, обычно предшествующего намазу). Это, наконец, и едва заметные углубления также в камне. Они соотносятся с отпечатками рук, лба и колен при позе *саджда* («поклон») хазрата во время совершения им намаза.

Из изложенных сведений становится вполне ясно, что Чилмихроб и Санги джуммон покоятся практически на единых структурообразующих элементах культовых объектов. И тут, и там основными объектами благоговейного отношения являются практически одни и те же. Они повторяют друг друга в смысле символического значения почитаемых объектов природы.

Основное отличие сравниваемых кадамджойев сводится к расположению объектов, символизирующих отправление персонажем намаза. На горном перевале Джуммон михраб находится в промежутке между родниками и кормушкой Дульдугула, занимая, таким образом, в перечне объектов культа второе место. На Чилмихробе следы мест, указывающие на совершение святым намаза, находятся на самой скале. В остальном в номенклатуре объектов природы, составляющих каркас сакральных комплексов, нет существенной разницы.

При сопоставлении рассматриваемых кадамджойев обнаруживается еще одна, не менее важная, особенность, являющаяся их общей чертой. Она состоит в том, что объекты культа, формирующие облик срав-

ниваемых комплексов «мест ноги» святого Али, расположены линейно и ведут паломника от подножья горы вверх к ее вершине. В таком виде они напоминают ступени некой мистической лестницы. Основываясь на сходном перечне естественных сакральных объектов на двух кадамджойях, расстояние между которыми почти сто километров, а также линейности их расположения как ступеней, ведущих паломника вверх, можно строить предположение, что единими являются и черты мировоззренческого обоснования бытия самих этих мест ритуального посещения. Но не достает источника, который мог бы пролить свет на решение вопроса о смысле сакрализации разнородных феноменов природы — родника / родников, «следовиков» в камне, самой каменной материи (скалы) и дерева в одном интеллектуальном корпусе.

Место стопы святого Али на хребте Джуммон останавливает внимание тем, что представляет собой «мегалитический» объект культа, сказание о котором рисует исторического Али б. Аби Талиба как героя самоотверженного достоинства и чудотворца, обладающего мистической силой, отсылающей к понятию мобилизации неограниченного напряжения, когда над жизнью нависает угроза смерти.

Примеры обладания Али гигантской силой, способной преобразовать окружающий мир, находят отражение и в рассказах о кадамджойе у знаменитого озера Искандеркуль, где пять струй чистой и прозрачной воды вырываются из скалы. Предание гласит, что святой Али воткнул пять пальцев руки в эту скалу и из нее хлынули пять струй, по числу пальцев. Сливаясь в поток, они впадают в Искандеркуль, который питает Искандердарью, а та несет свои воды вниз в Фандарью — ствол реки Зеравшан.

Можно привести и другой пример. К югу от Гиссарского хребта, у истоков Варзобдарьи Али-созидатель будто бы ударом пятерни превратил скалу в грудку крошек. По поверьям, продолговатые линии на холмике, каждая из которых обозначена отдельным цветом, — это следы пальцев богатыря Али. На месте, где стояла скала, забил родник, являющийся истоком одного из рукавов Варзобдарьи.

В контексте образа Али как обладающего сверхчеловеческой силой можно вспомнить и кадамджой, именуемый *Чилучорчаишма* («Сорок четыре родника»), вблизи поселка Шартуз на юге Республики Таджикистан. Четыре из сакральных родников связываются с Али. По *ривояту*, хазрат воткнул в скалу четыре пальца, после чего из нее вырвались четыре родника, являющихся ядром почитаемой группы родников.

Не только сказания об историях исторического имама и халифа Али б. Аби Талиба, но и его святые места, связанные с его именем в преоб-

ладающем суннитском окружении Центральной Азии, «не отпускают» по многим причинам. Они привлекают чрезмерно гиперболизированным характером повествований. Очевидно, что совершаемые героем этих легенд подвиги невозможно называть словами «богатырские» или «триумфальные», они сверхчеловеческие, фантастичные и недоступные опыту.

Именно здесь возникает вопрос, что за подобными представлениями скрывается: происходят ли чудеса, творимые Али, из простой народной фантазии или повествования о нем носят иносказательный характер, содержат смыслы древних образов и верований. Автор склоняется к мысли, что в глубине легенд о чудодейственной силе интересующего нас персонажа дремлют тайны, аллегорический смысл которых ведет нас к верованиям очень давних времен.

Весьма вероятно, что за непроницаемым покровом этих рассказов скрыты какие-то элементы эзотерической религии, а также, иносказательно, определенные знания, питающиеся из древних мыслительных источников. Выше говорилось о сходности культовых объектов природы на анализируемых кадамджоях. Отсюда можно строить предположение, что сходными являются и черты мировоззренческого обоснования бытия этих мест.

Но нет источника, который мог бы прояснить, какая *единая* идея таится в глубине сакрализации, казалось бы, разнородных феноменов природы (родника / родников, углублений в камнях, самой каменной материи (скалы) и дерева) в одном мыслительном теле в связи с именем исторического Али б. Аби Талиба. Попытку понимания этих смыслов автор оставляет на будущее.

Здесь должно быть сказано о значимости замечаний, сделанных А.П. Федченко относительно алидских культовых объектов не только на Зеравшане, но также у слияния рек Аксу и Карасу в бывшем Кокандском ханстве [Федченко. 1950: 310–311, 318–319, 323–325]. По всему видно, что эта тематика не входила в круг его интересов. Тем не менее замечания тонкого наблюдателя полны смысла, они дают представление о глубоких исторических корнях мест паломничества и поклонения преемнику Пророка Мухаммада — Али б. Аби Талибу. В этом вопросе особый интерес представляет мотивы мифологизации фигуры исторического Али.

Библиография

Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950.